

СРЕДСТВА ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Интервью с Теренсом Тейлором*

Г-н Теренс Тейлор является членом состава директоров Международного института стратегических исследований (МИСИ), президентом и исполнительным директором МИСИ в США. Его поле деятельности находится на пересечении научных технологий и международной политики безопасности. Он – содиректор программы по созданию кодекса поведения ученых, работающих в области наук о жизни, в академических кругах и частной промышленности, призванного обеспечивать безопасное и этическое поведение. Помимо этого, он возглавляет программу по развитию концепций и методологий оценки риска для высокопоставленных политиков, столкнувшихся с комплексными чрезвычайными ситуациями. Также он является членом редакционной коллегии «Международного журнала Красного Креста».

: : : : : :

В чем вы видите роль технологий и вооружений во времена войны?

Вообще говоря, наука и технологии, связанные с производством оружия, военного снаряжения и различных видов средств доставки, не являются причиной вооруженных конфликтов. Конфликты обусловлены причинами политического, исторического, экономического и иного характера, а не наличием оружия и технологий как таковых. Однако технологии и вооружение могут повлиять на ход вооруженного конфликта или даже определить его исход, оказать воздействие на комбатантов и гражданское население, на окружающую среду и даже предрешишь исход войны. Поэтому влияние их огромно.

Однако, если говорить о последней войне в Ираке, разве не проблема оружия стала причиной военной кампании?

Существовала потенциальная возможность, особенно в отношении оружия массового поражения, которая была стержневым фактором в при-

* Интервью провел 22 ноября 2005 г. Тони Пфаннер, главный редактор «Международного журнала Красного Креста».

нятии решений странами, начавшими войну против Ирака в 2003 г. Это не новая проблема; она возникла в конце войны в Персидском заливе в 1991 г., и вопросы, связанные с иракским оружием массового поражения, остались без ответа. Однако вероятность создания Ираком оружия массового поражения для достижения целей существовавшего в то время режима Саддама Хусейна, явилась одним из важнейших факторов. В этом смысле вид оружия и масштаб последствий его применения, связанные с конкретной ситуацией, стали определяющими.

Изменился ли за последние годы сценарий глобальной угрозы, связанной с применением оружия?

Вопрос об оружии массового уничтожения стоит более остро; в частности, его новые разработки представляют собой значимый пункт в сценарии глобальной угрозы. Если вернуться к «холодной войне», кто-то, может быть, скажет, что оружие массового поражения, в особенности его стратегические разновидности, оказалось основным фактором, предотвратившим военное столкновение между великими державами того времени, и ядерное устрашение было выгодно обеим сторонам.

Новой особенностью современной ситуации является то, что такое оружие – ядерное, биологическое или химическое – может попасть в руки негосударственных группировок. Наука и техника достигли той стадии, когда мелкие группировки могут воспользоваться технологиями, позволяющими убивать большое число людей – вплоть до десятков тысяч. Сейчас я говорю скорее о потенциальной, чем об уже имеющейся возможности. Это новая особенность международного ландшафта безопасности, появившаяся в середине 90-х гг. Конечно, на вопрос о том, как реагировать на этот феномен, в частности на международный терроризм, трудно дать однозначный ответ.

Следовательно, изменилось не столько само оружие, сколько его потенциальное использование различными силами. Другими словами, стало ли такое оружие в результате его совершенствования более опасным и менее контролируемым?

Беспокойство многих правительств многих стран мира, в особенности Соединенных Штатов и европейских держав, вызывает то, что ведущий политолог Джозеф Най из Гарвардского университета назвал «демократизацией насилия». Научно-технический прогресс, пусть и не связанный конкретно с разработкой оружия, дает возможность отдельным людям и группировкам создавать опасные виды оружия, например биологическое оружие, которое теоретически способно уничтожить

многие тысячи человек. В этом заключается главное изменение. Вероятная война или военная ситуация отличаются от классического вооруженного конфликта между государствами, и реакция на новую угрозу должна быть другой.

Действительно ли технический прогресс облегчает доступ к таким материалам, позволяющим совершать нападения?

В целом это так. Однако я не хочу создавать впечатления, что в наши дни, например, небольшому государству или негосударственной группировке легко создать ядерное оружие – оружие, приводящее к ядерному взрыву, а не радиологическое. Конечно, сейчас это сделать намного легче, но все равно необходимо обладать производственными мощностями высокого уровня и расщепляющимися ядерными веществами, используемыми при создании оружия, которые очень сложно достать. В ходе того масштабного процесса демонтажа, который идет сейчас в странах бывшего Советского Союза, возможна незаконная передача и хищения. Однако особое беспокойство вызывают разработки в области биологического и химического оружия, поскольку здесь мелкие группировки могут создавать боеспособное оружие. Хотя это все еще достаточно трудно, процесс изготовления намного упростился по сравнению с прошлым.

Согласно докладу сенатора Ричарда Лугара об оружии массового поражения, основной угрозой, по оценкам многих военных специалистов, является потенциальное применение радиологического оружия, и вы уже говорили об этом. Возможно ли его военное использование?

Это оружие содержит бризантные взрывчатые вещества, такие как гексаген и ему подобные, а вместе с ними и радиоактивные. При его применении происходит не ядерный, а обычный взрыв, во время которого, однако, радиоактивные вещества разбрасываются на большой площади. Если взорвать автомобиль с заложенной в него бомбой такого рода, можно подвергнуть радиоактивному заражению центр города. В зависимости от использованного радиоактивного вещества, очистить этот район и снова сделать его пригодным для жизни будет чрезвычайно тяжело или даже невозможно. Представьте себе последствия подобного взрыва в одном из таких основных финансовых центров, как Нью-Йорк, Лондон, Цюрих, или другом крупном городе. Этот сценарий не приведет к гибели многих тысяч людей, даже если мощный взрыв и убьет кого-то, а кто-то получит дозу радиации при попадании на него большого количества радиоактивных веществ. Скорее это ору-

жие массовой *дезорганизации*, а не массового *поражения*. Тем не менее последствия могут быть очень и очень серьезными, и именно об этом стоит беспокоиться.

Необходимо ли проводить различие между оружием массового поражения и другими видами оружия?

Данный вопрос состоит из двух частей: надо различать его политическую и техническую составляющие. В политической жизни термин «оружие массового поражения» появился в 1940-х гг. как результат политических переговоров между ведущими державами того периода. Он вошел в обиход и стал употребляться в ходе официальных юридических переговоров в конце 1940-х гг. Он использовался для обозначения ядерного, биологического и химического оружия. В то время химическое и биологическое оружие уже подпадало под действие Женевского протокола 1925 г., и только применение ядерного оружия не регулировалось никакими международными постановлениями. В политическом смысле термин описывал оружие, применение которого должно было особо регламентироваться международным правом.

Однако с технической точки зрения, этот термин не описывает количество жертв или катастрофический ущерб, причиняемый такими видами оружия, поскольку они вызывают различный масштаб потерь и разрушений. Обычно все соглашались с тем, что ядерное оружие подходит под описание термина оружия массового поражения. Биологическое оружие не приводит к серьезным материальным разрушениям, но потенциально способно убить много тысяч, вероятно сотни тысяч или даже миллионы людей. Таким образом, биологическое оружие можно назвать оружием массового поражения – из-за огромных человеческих потерь. А вот химическое оружие может и не подойти под описание, поскольку обладает меньшим радиусом действия, и способно поразить сотни людей только в том случае, если применять его в больших количествах.

Может ли обычное оружие быть настолько же разрушительным, как и оружие массового поражения?

Если сравнивать последствия их применения, то, в частности, химическое оружие не сильно отличается от многих видов обычного оружия с широким фактором поражения. Однако по политическим и юридическим соображениям их отнесли к категории оружия массового поражения. Развитие обычных видов оружия направлено в сторону более точной системы наведения более мощных боеголовок, обладающих наибольшим эффектом поражения в момент взрыва. Вообще говоря,

сопутствующие потери и урон могут быть меньше, но только, конечно, если поражается заданная военная цель.

Необходимо ли особо регламентировать применение отдельных видов обычного оружия или вы считаете, что важнее укреплять основные принципы ведения военных действий?

Может быть, меня обвинят в излишней традиционности, но я думаю, что нужно приложить еще очень много усилий, чтобы добиться более строгого соблюдения существующих законов вооруженного конфликта – в отношении средств ведения войны, поведения на поле боя или, что более очевидно, обращения с военнопленными. Важнее всего распространять знания о существующих нормах права.

Когда необходимо принимать особые правовые нормы?

Если обратиться к истории, мы увидим, что наиболее эффективны те нормы права, которые были продиктованы снизу. Ярким историческим примером может послужить общественное негодование, вызванное применением химического оружия во время Первой мировой войны, – результатом стало принятие Женевского протокола 1925 г. Мне кажется, что именно люди на поле боя, наиболее заинтересованные в наличии каких-либо форм правового регулирования, должны судить, что им подходит больше всего. Все это верно и сегодня, но необходимо двигаться дальше, поскольку появляются новые технологии с новыми возможностями, например, противопехотные лазеры и вакуумные бомбы.

Следует ли в большей степени вовлекать в этот процесс военнослужащих? Как вы считаете?

Нам необходимо привлекать военнослужащих, людей, непосредственно затрагиваемых данным процессом, чтобы попытаться разработать новые эффективные нормы права. Подходящий пример – противопехотные мины. В мире образовалась критическая масса военнослужащих, осознавших, что такой вид оружия неприемлем, и выразивших мнение о том, что его нужно запретить. Через сети организаций, охватывающих все гражданское общество, мы в конце концов пришли к принятию Оттавской конвенции, полностью запрещающей противопехотные мины. Не все государства являются участниками этого договора, нескольким лидирующим державам еще предстоит присоединиться к нему, но сам по себе он представляет образец для будущего, показывающий, как относительно быстро и эффективно можно добиться разрешения вопросов вооружений.

Есть мнение, что гуманитарные организации и гражданское общество недостаточно компетентны в военных вопросах, и тем более в вопросах вооружений, чтобы участвовать в такой дискуссии. Считаете ли вы, что проблемы оружия должны решать только государства и военные круги?

В зависимости от рассматриваемого вида оружия возможны различные сценарии. В случае оружия массового поражения естественно возникает необходимость сотрудничества гражданского общества, военных кругов и политических сил. Как и в случае с использованием во вред человечеству достижений наук о жизни, проблема оружия массового поражения требует глобального подхода, который можно обеспечить лишь с полным участием гражданского общества. По сути, оно может играть более важную роль в вопросах использования достижений наук о жизни в военных целях государствами или негосударственными группировками.

Что касается химического оружия, опасность таится в промышленности, оперирующей миллиардами долларов, – это следует принимать в расчет. Необходимо взаимодействие между правительствами и военными, а также гражданским обществом, чтобы иметь хоть какую-то возможность предотвратить применение этого оружия, а в случае его применения – суметь на это отреагировать.

Несколько иначе обстоят дела с тем видом оружия, которое распознать легче, таким как ядерное оружие. По большому счету, аспект его двойного применения ограничивается использованием ядерной энергии. Но даже здесь, в связи с угрозой глобального потепления и поисками альтернативных источников, ядерной энергетике почти неизбежно предстоит развиваться все более активно. Атомных электростанций во всем мире будет становиться все больше, и не допустить того, чтобы они попали «не в те руки», будет все труднее.

Если говорить об обычном оружии, здесь, очевидно, существуют проблемы, носящие, главным образом, гуманитарный характер. В качестве примера можно привести «пережитки войны», то есть неразорвавшиеся боеприпасы и мины, оставшиеся на поле боя, которые могут приводить к смерти и ранениям гражданских лиц, мешают возделывать землю, ограничивают свободу передвижения, препятствуют развитию торговли.

В области обычных вооружений появляются новые – нелетальные – виды оружия, предназначенные не для лишения жизни, а для выведения из строя. По словам бывшего вице-председателя Объединенного комитета начальников

штабов, в будущем для отражения противника будут применяться электромагнитное и импульсное оружие, лазеры, химические системы, ультра- и инфразвуковая техника.

Пожалуй, выражение «оружие малой летальности» точнее описывает так называемое «нелетальное оружие». Это оружие разрабатывается в основном для операций по борьбе с повстанческими движениями, таких, например, как целый ряд операций, проводящихся в Ираке. Они очень похожи на обычные вооруженные конфликты, иногда с ведением широкомасштабных боевых действий, включающих применение военной авиации. В то же время они направлены против повстанцев и террористов и даже могут включать в себя освобождение заложников. Эти операции зачастую проходят в населенных пунктах с многочисленным гражданским населением. Отсюда – желание разрабатывать и применять оружие несмертельного действия, позволяющее свести к минимуму случайные потери. С одной стороны, противопехотное ослепляющее лазерное оружие, например, может послужить ярким примером научно-технических достижений, призванных ограничить число потерь. С другой стороны, это же оружие может применяться для сознательного ослепления солдат и гражданского населения. В конце концов его объявили неприемлемым и запретили благодаря усилиям МККК, что, по-моему, правильно. Эти новые разработки так называемого нелетального оружия нуждаются во внимании со стороны тех из нас, кто заинтересован в соблюдении законов вооруженного конфликта.

Во время «холодной войны» гонка вооружений между США и Россией определяла меры контроля над вооружением. Думаете ли вы, что тупиковая ситуация, сложившаяся на переговорах по разоружению в Женеве, объясняется новой политической обстановкой?

Вероятно, это в большей мере объясняется техническим прогрессом. Во времена классической «холодной войны» мы следили за «крупным» оружием: баллистическими ракетами – среднего радиуса действия или межконтинентальными. Конвенция о химическом оружии, которая была окончательно разработана к 1993 г. и вступила в силу в 1997 г., представляет собой новое достижение в области контроля над вооружениями. Во главе процесса не стояли никакие конкретные военные круги, но многие стороны, включая всемирную промышленность, располагающую миллиардами долларов, были вовлечены в систему контроля. Это открывает новую главу в разработке договоров о контроле

над вооружениями и, в частности, их верификации. Сразу после распада Советского Союза и Варшавского договора стало возможным принятие очень детального и результативного режима верификации Конвенции о химическом оружии. Сейчас бы сделать это не удалось. Протокол по проверке к Конвенции о биологическом оружии, который обсуждался более десятилетия, принят не был.

Какие действия, помимо мер по контролю над вооружениями, можно предпринять, чтобы положить конец распространению оружия массового поражения?

Я считаю, что Договор о нераспространении ядерного оружия остается чрезвычайно важным документом; у него больше участников, чем у любого другого договора о безопасности, и он все еще пользуется всеобщей поддержкой. То же можно сказать и относительно Конвенции о химическом оружии, Женевского протокола 1925 г. и Конвенции о биологическом оружии, имеющих глобальный характер и укрепляющих уже существующие нормы права. Да, эти договоры крайне важны, но нужно искать творческие и передовые способы, которые бы обеспечили их проведение в жизнь.

Даже при отсутствии жестких механизмов верификации?

Такие ученые, как Анна-Мария Слотер, и такие сотрудники международных организаций, как Жан-Франсуа Ришар являются сторонниками уже упоминавшейся идеи укрепления и построения правовых норм через сети организаций. Эти усилия развиваются снизу вверх – в том смысле, что в них вовлечена широкая общественность, заинтересованная в ответственном поведении и развитии культуры ответственности. Если говорить о Конвенции о биологическом оружии, сейчас прежде всего требуются усилия по привлечению частной промышленности, академических кругов, занимающихся науками о жизни, и правительственных научно-исследовательских институтов для создания правовых норм и распространения информации о них, с целью предотвращения злоупотреблений достижениями наук о жизни. Эти усилия должны быть направлены на укрепление общественной безопасности путем предотвращения, во-первых, злоупотреблений биотехнологиями со стороны правительств и неправительственных группировок, а во-вторых, возможности применения оружия, способного уничтожить многие тысячи людей. Один из действенных способов свести эту угрозу к минимуму – привлекать внимание общественности к ней при помощи кодекса поведения, соответствующего обучения и подготовки.

Будет ли промышленность участвовать в этом?

Промышленность должна быть кровно заинтересована в благоприятном исходе этих усилий. Если кто-то будет использовать научные достижения во вред людям, это причинит ущерб соответствующей отрасли промышленности. Ее представители будут подчинены строгому законодательству, которое, вероятно, окажется для них грубым рычагом воздействия, а не чем-то таким, чему они сами добровольно подчинились бы. На них могут налагаться ограничительные меры, которые затормозят научно-технический прогресс. В области наук о жизни это может привести к огромным потерям, поскольку лучшая защита – в завоеваниях самой науки. Эти завоевания должны охраняться, и в то же время необходимо сознавать опасность и предпринимать четкие шаги для ее устранения. Это можно сделать, соблюдая устав или кодекс поведения и вырабатывая нормы такого же типа, что и клятва Гиппократова: не являясь, сама по себе, юридически обязательной, она может устанавливать нормы, которые со временем включаются во внутреннее и международное законодательство.

Прекрасным примером того, в каком направлении надо двигаться, являются независимые усилия, предпринимаемые МККК, и его призыв к ученым и представителям промышленности брать на себя ответственность по предотвращению злонамеренного использования биологических агентов. В данной области есть и другие идеи – в моем случае это поддержка Международного совета наук о жизни и его устава. Проект направлен на привлечение представителей частной промышленности и других важных заинтересованных сторон к рассмотрению возможностей и опасностей, возникающих в результате достижений наук о жизни, особенно в связи с угрозой биологического оружия и биотерроризма. Все эти усилия по привлечению внимания к проблеме и созданию норм намного важнее и эффективнее в наши дни, нежели десять или пятнадцать лет назад.

Каково ваше мнение о роли негосударственных образований в вооруженных конфликтах? Как включить их в этот процесс?

К положительным побочным эффектам предпринимаемых инициатив относится изоляция людей, не придерживающихся этих этических принципов. От террористов нельзя ожидать соблюдения закона, напротив, их задача – ниспровергнуть законность, поэтому, например, нельзя надеяться, что члены «Аль-Каиды» будут следовать правовым нормам, которые мы сейчас обсуждаем. Я считаю, что цель кодексов поведения, уставов и международного права в целом – строго обозна-

чить и разъяснить, что составляет неприемлемое поведение и незаконные действия. Различные силы характеризуют себя своим поведением. Ответственные люди предпочтут не игнорировать такой устав или кодекс, а руководствоваться им, чтобы показать: они ведут себя ответственно и являются сторонниками управления рисками, в частности посредством сотрудничества между собой и с правительствами.

Не получается ли так, что частные инициативы заменяют собой международные нормы?

Я глубоко убежден, что в результате таких инициатив государства эффективнее регулируют данные вопросы. Если взять в качестве примера науки о жизни, я думаю так потому, что проблемы биологической защиты и биологической безопасности частично совпадают. Не существует, например, мирового стандарта мер предосторожности при лабораторных опытах.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) выработала руководящие принципы. Но возможности ВОЗ не безграничны. Эта межправительственная организация занимается вопросами здравоохранения, а не безопасности. Поэтому государства нуждаются во внешней помощи – частных лиц и организаций, например, МККК.

Эти инициативы способствуют активному развитию сотрудничества. Другой способ создания международных правовых обязательств, аналогичных договорным, связан с полномочиями Совета Безопасности. Согласно Уставу ООН Совет Безопасности вправе, в соответствии со статьей 25 Устава, потребовать, чтобы государства внесли поправки в их внутреннее законодательство в целях предотвращения возникновения угроз международному миру и безопасности. Две резолюции, 1373 от 2001 г. и 1540 от 2004 г., рассчитаны, по всей видимости, на применение «кнута, а не пряника».

Думаю, что резолюции Совета Безопасности нельзя назвать ни «кнутом», ни «пряником». Они играют очень важную роль, поддерживая усилия государств – членов ООН по укреплению их национального законодательства, а также направленные на то, чтобы не допустить распространения технологий и более эффективно предотвращать злонамеренное применение технологий, которые могут быть использованы для производства оружия массового поражения. Это усилия сверху. Однако сами по себе они не принесут никакого результата. Требуется многонациональная и многоуровневая деятельность, чтобы защитить и обезопасить мир от возрастающих угроз, с которыми мы сталкиваем-

ся. Здесь возникает вопрос о защите и безопасности. Я считаю, что сочетание «кнута и пряника» будет полезным.

Поэтому необходимы также принудительные меры?

Да, и есть вопрос, над которым я постоянно задумываюсь, но который больше относится к праву прибегать к войне (*jus ad bellum*), чем к праву войны (*jus in bello*). МККК этим заниматься не предстоит. Речь идет о принятии решения о нанесении военных ударов в связи с обладанием или разработкой оружия и о том, когда наносить такие удары. Проблема, которая все усложняется по мере развития науки и техники и является сейчас крайне трудной для правительств, состоит в том, что государства, получив соответствующую информацию, могут почувствовать необходимость принятия каких-либо предупредительных мер в плане самообороны против либо государства, либо вооруженной группировки, не являющейся государством, которая обладает объемом оружия, способным унести тысячи жизней. Разведка должна работать на совесть, и ее деятельность всегда будет вызывать споры. Но в свете происходящего научно-технического прогресса необходимо продумывать нормы предупредительной самообороны. Говоря о нормах права прибегать к войне, мы затрагиваем очень деликатный вопрос, и многие предпочтут обойти его стороной и сохранить нормы такими жесткими, как сегодня. Тем не менее этот вопрос требует глубокого изучения.

Даже в самой развитой стране очень трудно противостоять масштабным стихийным бедствиям и оказывать помощь нуждающимся в ней людям. Однако, вероятно, применение оружия массового поражения приведет к гораздо более серьезным последствиям.

В Соединенных Штатах, в меньшей степени в Европе и еще меньшей в других уголках мира предпринимаются попытки разработать план ликвидации последствий, если случится самое страшное и один из видов такого оружия будет применен. Конечно, подобный сценарий необходимо продумывать заранее. У меня есть сомнения относительно его применимости к жизни и завершенности. Страны, пострадавшие от серьезных катастрофических нападений, предприняли энергичные действия в надежде на предотвращение их в будущем, но остальные остаются незащищенными.

Уже давно пора проводить некий анализ и оценку угроз. Например, если говорить о возможном применении биологического оружия, существует широкий диапазон различных мнений на то, что представ-

ляет собой настоящая угроза. Во многих странах болезни, вызванные естественными причинами, – повседневная реальность, и они уносят множество жизней. Говорить с такими странами о биологическом оружии довольно трудно. Гораздо больше интереса эта тема вызовет в развитой стране, где проблема инфекционных заболеваний не стоит так остро. Именно поэтому взгляды на проблему угроз различаются. Мне кажется, сейчас легче привлечь внимание гражданского общества США к ураганам или цунами в тихоокеанском бассейне или возможности трансформации птичьего гриппа в пандемию среди людей. Такие катаклизмы порождаются природой, и противодействовать им намного легче.

Это происходит из-за того, что никто не хочет задумываться о таком страшном развитии событий?

Я могу только предположить, что люди думают: «Нас это не коснется». Они не представляют себя в качестве объекта поражения ядерного, биологического или химического оружия. Они могут бояться, что террористические группировки будут использовать их страну или инфраструктуру для создания и приобретения необходимых материалов. Но опять-таки у каждой страны свое понимание угроз, и это наиболее трудная часть в поиске создания эффективного противостояния применению таких видов вооружений.